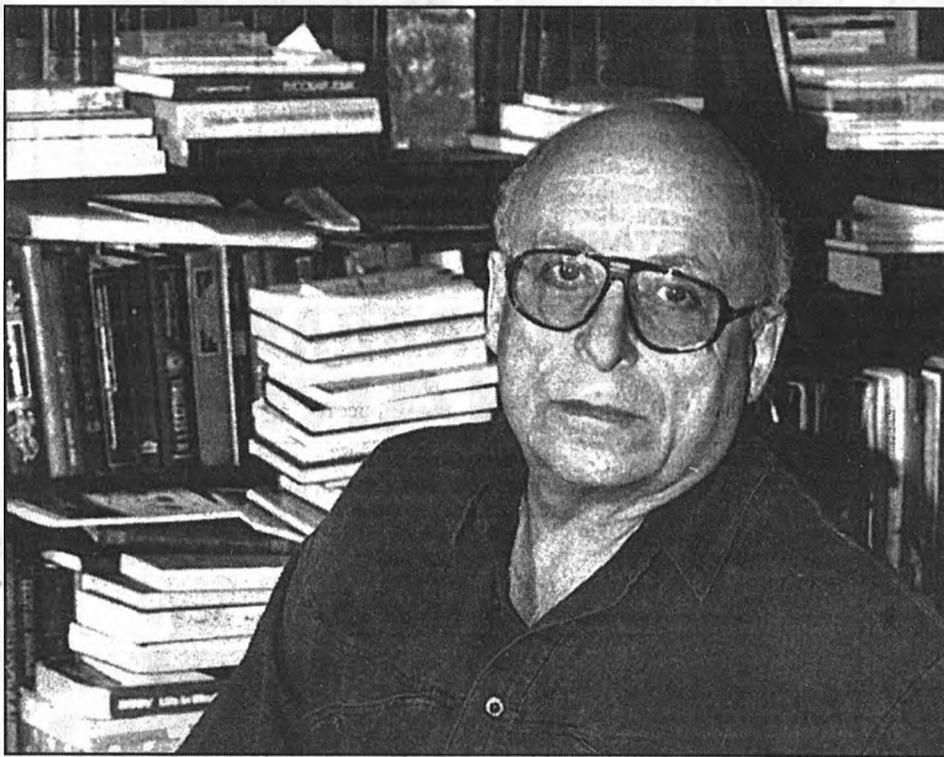

● АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Юз Алешковский:
«Хочется плюнуть

в дуло «Авроры»...»

Судьба - вещь невыясненная. Но Юза Алешковского она явно заметила. Был он, по его признанию, весельчаком и бездельником, картежником и хулиганом, но при этом помогал матери по дому, читал Пушкина и Дюма. Сидел в лагере, сочинил песню «Товарищ Сталин, вы большой ученый», чем обеспечил себе место в истории, участвовал в знаменитом «Метрополе», его книги про «Николай Николаевич», «Кенгуру», «Рука» и другие активно ходили в самиздате. В конце 70-х уехал в Америку, где перенес операцию на открытом сердце и написал за шестнадцать лет восемь книг, большая часть из которых переведена на основные европейские языки. И вот в очередной раз оказался в Москве.

- Можно считать вас диссидентом? Ваши книги ходили в самиздате, да и песни вряд ли вызвали восторг у власти.

- Я никогда не считал себя инакомыслящим. Инакомыслящими я всегда считал господ из Политбюро, это они мыслили иначе, чем я. А правильность моих мыслей подтвердило время, причём так думали миллионы нормальных людей. Решение «свалить» было требованием судьбы, а я привык ей соответствовать. Не мог больше здесь жить, все по Мандельштаму: «Отравлен хлеб, и воздух выпит», хотя, повторяю, меня никто не преследовал. У меня была квартира, деньги, машина. Да, я не вступал в открытую борьбу с режимом, но думаю, что мои книги, в частности роман «Рука», были не менее взрывоопасны для власти, чем рискованные благородные выступления так называемых диссидентов.

«ИМЕЛ БЫ Я ЗЛАТЫЕ ГОРЫ, КОГДА Б НЕ ПЕРВЫЙ ЗАЛП «АВРОРЫ»...

- Критически мыслящих людей было в те времена значительно больше, чем диссидентов, и в душе они ощущали себя демократами. Увы, сегодня, демократы несут потерю за потерей, не сумев реализовать ни себя, ни своих надежд, не сумев крепко взять власть и пользоваться ею.

- Демократы, задавшие тон перестройке идеологически, не сумели накормить плебс, не сумели потрогать охлосу, который рассчитывается со своими обидчиками. Это не персональная вина Г. Попова, большого теоретика демократии, или гениальной митинговой дамы Г. Старовойтовой. Неспособность демократов как-то ублажить народ, которому не нужны ни Мандельштамы, ни Булгаковы, привела к возрождению компартии. Одно дело - мыслить на кухне, где можно было, поджав, произносить вдохновенные гневные речи, и совсем иное - практика государственности, способность мыслить системно. Ведь если одна система разрушена, должна на ее месте созидаться новая.

- Легко сказать.

- Не хочу выдавать себя за большого специалиста по общественным вопросам, но первым делом надо было вернуть народу то, что у него отняли в 1917 г., - землю, свободу. Ничего этого сделано не было, и по сути вся политическая активность и жажда реформации общества свелись к митинговому трепу. Из кухонь вышли на улицу. И все. Кстати, если кухня по форме ограничивала эти собрания, то митинги развратили плебс, возбудили массу чувств, которые теперь коммунистические функционеры умело направляют в нужное им русло. Кроме того, критически относясь ко многим высказываниям Солженицына, я совершенно с ним согласен в том, что поначалу требовалась сильная власть. Авторитарная власть сделала бы закон действующим, способствовала бы появлению нового права.

- Сегодня много разговоров о том, что, дескать, коммунисты нынче другие и все страхи, которыми пугают народ, ложные.

- Если коммунист хочет строить новую жизнь, он тем самым уже оправдался за пребывание в рядах. Что, он менее активен, действенен, чем демократ, который будет трепаться на митингах, но ни хрена не делать для экономики страны, для ее культуры?! Однако, пока эта партия не осуждена за преступность исторических действий, у

меня веры в коммунистов нет никакой. А вообще мне бы хотелось плюнуть в дуло «Авроры» перед тем, как она выстрелит в очередной раз, неизвестно каким зарядом.

«НЕБО ОТКРЫТО ДЛЯ ВСЕХ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОНО В КЛЕТЧКУ»

- В вашей жизни был тяжкий опыт пребывания в местах не столь отдаленных. Известно, что В. Шаламов определял его как исключительно отрицательный. Как оцениваете его вы?

- Нет, так, как Шаламов, я оценил его не могу. Он - личность, пережившая ад.

- Нет ничего более абсурдного на белом свете, чем тюрьма, если даже отвлекусь от того, что держат там за дело. Я попал в лагерь в 1949 г. за хулиганство. Служил тогда на флоте, и мы, матросы, находясь крепко «под балдой», увели служебную автомашину, потом была драчка, полундра, выяснение отношений с патрулями, мое выступление в зале вокзального ресторана, где под соло барабана я пел свои песенки, разборка с милицией... Короче, я получил четыре года, но ухитрился отсидеть на год меньше, так как дал дуба «гуталин» (так зеки называли Сталина).

- Находясь в зоне, думаешь не только о жизни лагерной. Небо открыто, даже если оно в клеточку, мысли о воле свободны, надежда есть. Я был в таких условиях, что мне даже стыдно говорить, насколько они человеческие тех, в которых оказался Шаламов. Даже Солженицыну не снилось и сотой доли того, что выпало Шаламову. А положительное уже хотя бы то, что тебе нет никакой охоты попадать за колочку еще раз. Пусть даже это страх, неважно, но он удерживает тебя от нарушения закона. Так, во всяком случае, было со мной.

- Приходилось слышать, что в лагере нет притеснений по национальному признаку, поскольку жизнь в камере не дает воли националистическим проявлениям. Отсюда вывод: именно тоталитарное общество держит людей в узде и не позволяет распоясываться...

- Конечно, можно законом

запретить национализм, как, скажем, это сделано в Германии. Но можно ли законом запретить свою неприязнь к человеку другой национальности? Увы, мир несовершенен, человек подвержен подобным страстям почти бесконтрольно со стороны разума.

- В цивилизованном обществе воспитанный и культурный человек стесняется в себе этих чувств, старается сдерживаться или отправлять их интимно, как он отправляет свои интимные надобности.

- Другое дело, как звучит в лагере, например, слово «жид». В нем нет ничего оскорбительного, точно так же, как в словах «чучмек», «урюк», «хохол» или «лабас». Характер произнесения этих слов вполне инфантильный, а не зловредно шовинистический. Скажем, если произнести сто раз «жидовская морда», девальвируется само понятие, а оно должно быть «наполненным», «ценным».

КАКИЕ ЧИТАТЕЛИ, ТАКИЕ И ЛИТЕРАТОРЫ

- Как вы относитесь к рассуждениям о том, что за 70 лет советской власти, по сути дела, никакой литературы у нас не было?

- Я тоже был советским писателем. Рассказики, которые я писал для детей, с точки зрения ценителей нравственности, были порядочными произведениями. (Такая оценка меня всегда веселила.) В них я не лизал жопу режиму, развлекал детей, никаких социальных проблем не касался, и уже одно это определяло меня как советского писателя. Спросите почему? Да потому, что, зная трагическую правду, я не мог об этом писать, так как знал наперед: это не напечатает никогда. Но, с другой стороны, я кое-что тискал в ящик, не потому, что был советским человеком, а потому, что это было настоящей потребностью моей художнической совести. Впрочем, все вели себя по-разному.

- А о том, что власть породила себе подобных литераторов, лишенных чувства слова, говорено было не раз, и образцы такой литературы у всех на памяти. Но, между прочим, и масса, по-

треблявшая эти изделия, была вполне удовлетворена. И вот эти десятки миллионов людей, привыкшие к подобному эстетическому вареву, вдруг оказались, как принято нынче говорить, в пространстве газетки «Еще», в пространстве нынешних постмодернистов. И эта растерянность - одна из составляющих критического отношения людей к нынешней действительности, к свободе.

МАТ - ПОДМОГА?

- Читать ваши вещи с плотно стиснутым ртом и сосредоточенным взглядом - признак явного нездоровья. Как признавался Марк Захаров, «Сивенький скромный платочек» довел его до опасного гомерического хохота. Как бы вы определили природу своего смеха?

- Бессилен это сделать. Юмор остается загадкой для человечества, хотя определений его - сколько угодно. Можно долго думать над такого рода проблемами, и лучше всего - над страницами Достоевского, где вершина трагического замешана на таком юморе, что иногда становится страшно, как можно чувствовать позывы смеха в такой ситуации.

- Неотъемлемая часть ваших произведений, особенно ранних, - ненормативная лексика, проще говоря, мат. Сегодня, похоже, мат захлестнул нас сверх всякой меры.

- Временами меня смущает мое сквернословие. Но это вжито с детства, это язык улицы, я его не выбирал, он мне навязан судьбой, жизнью. Более того, мое ухо вообще чувствительно к языковой стихии, это ухо литератора, и, например, живописую судьбу карманника, лагерника, что ж я, сделаю его лексику стерильной? Да я себя тогда буду презирать как литератора.

- Я не раз убеждался, что мат - большая подмога в жизни. Заметьте, он был подмогой даже членам Политбюро, что уж тогда говорить о работагах и партийной сошке. Или взять лагер-

ного начальника. Чтобы подмазаться к уставшей массе, он кричал: «Ну, ..., врежем, братцы, поднажем...» Слезы закипали от того, что эта падла, эта крыса, этот волкодав с тобой родится таким вот образом. Психологически это действовало.

- Между прочим, мало кто задумывался, почему самые загадочные, самые замечательные из частей нашего тела стали символами бранности. В чем психологизм этой загадки? Я так для себя ответил. Половые органы - органы воспроизведения жизни, а человек ничего так бессознательно не боится и ничего так сильно не ненавидит, как бытие. Бытие трудно, как бы нас ни радовало солнышко, как бы мужчин ни радовали женщины, а женщин мужчины, как бы мы ни любили погреть и выпить. Я думаю, что эта бессознательная ненависть к органам воспроизведения жизни, вызвавшая тебя на свет, и порождает такую реакцию. Я не знаю, прав или нет, но в попытках понять природу брани прихожу к таким выводам.

- А что касается этической стороны, то объясните, Бога ради, чем слово «убийство», которое произносится сорок раз на дню, лучше слова «жопа»? Да оно святое по сравнению с убийством! Кстати, Ф. Искандер, которому я вполне доверю, сказал: «Алешковский - единственный русский писатель, у которого непристойные выражения так же естественны, как сама природа».

- Вы давно живете в Америке. Изменилось ли отношение американцев к нашей стране?

- Появились чувство небезопасности, опыт получения фуфла со стороны российских коммерсантов, опыт отношений с неблагодарными и ничтожествами. Я знаю американских бизнесменов, которые при одном только упоминании о каких-то возможных делах с Россией отхаркиваются. Но не власти тому виной. Виной шпана, которая ринулась в Америку, ей надо только капнуть, а поэтому все равно, хопа лагать - своих ли, чужих, американцев или французов. Есть и еще один довольно точный индикатор упадка интереса к России. Моя жена - профессор русской словесности, преподает в университете. Так вот в этом году в группе было всего два человека, изучающих русский язык. И такая картина наблюдается повсеместно. По сравнению с первыми годами перестройки сокращение катастрофическое. Но я думаю, что, если, дай Бог, здесь не случится никаких исторических катаклизмов, интерес вновь скакнет вверх, как курс акций на бирже.

Беседу вел Александр СИРОТА
Фото Тофика Шахвердиева